

Константин Б.Серафимов

Искры костров отгоревших

сборник
рассказов

Искры костров отгоревших

Константин Б.Серафимов
<http://www.soumgan.com>

Эти притчи копились на страничках моих полевых дневников разных лет.
Сначала в виде коротеньких заметок, мыслей, потом как-то разом выплескивались на лист.
Пожалуй, общее в них одно – обжигающие искры Памяти о былых кострах.
Костров отгоревших...

Оглавление

Притча о Спичках (1991)	3
Притча о Розовом Мячике (1991)	4
Притча о Вертолете (1991)	5
Притча о Сне (1991)	6
Притча о Вертолете и Водопаде (1991)	7
Притча о Встрече (1988)	9
Притча о Крабе (2000)	10
Притча о Книгах (2002)	10
Принц и Садовник (2004)	12
Легенда о Дорсе (2004)	15
Безусловное Знание (2004)	19

Притча о Спичках

Мы сидели на берегу Бухтармы и ждали сплавщиков. Два катамарана уже часа полтора плутали в замысловатых протоках реки меж лесистыми островами.

Как обычно, в минуты вынужденного безделья захотелось курить.

Первая спичка оказалась с браком – едва вспыхнув, погасла. Я бросил ее в воду, и она закачалась яркой черточкой в белесых волнах у берега.

– "Противопожарная", – подумал я.

Вторая спичка тоже не дала результата и закачалась на воде рядом с первой – на заводе явно пожалели серы.

Третью я уже выбирал специально. Ее головка не внушала сомнений. И, конечно, спичка ярко вспыхнула, отдав свой огонь сигарете.

Затянувшись, я снова поднял глаза к дальнему изгибу реки. Катамаранов все еще не было видно. Взгляд машинально скользнул по воде.

...Третья спичка падала в воду рядом с первыми двумя: рука, автоматически погасив пламя, разжала пальцы...

Я стоял и смотрел на спички.

Стоило ли ярко гореть и честно делать свое дело, если исход един?

Если волею всемогущей и безразличной руки путь твой предопределен и ничем не отмечен?

Река мощно и невозвратно, как время, ввлекла свои струи.

Первая спичка застряла в лужице среди камней.

Две другие постепенно удалялись.

Но вот вторая, нашупав тихое течение, вдруг отделилась и минутой позже уже покачивалась в тихой заводи у берега. Долг ли покой и надежно ли их убежище? До первого ливня и подъема мутной воды, текущей с гор.

И только третья спичка отчаянно выходила на главную струю, шумно закипающую на ближнем перекате.

Она уходила все дальше, пока не скрылась из глаз...

Гореть ярко и стремиться вперед.

"Делай, что должен, – пусть будет, что будет"...

...Чьи древние могилы остались у нашей вчерашней стоянки?

Разведка по реке Бухтарма
июль 1991 года

Притча о Розовом Мячике

Мы обходили эту отмель слева. Солнце было от воды в глаза, и от этого казалось, что все празднично искрится вокруг.

Плот несло быстро.

– Смотрите! – закричали дети. – Что это?

Они указывали направо.

Там, посреди галечной отмели, лежал розовый шар.

– Мячик!

– Причалим?

Руки привычно выполнили маневр, и через секунду я уже бежал по отмели. Под ногами круглая, отмытая водой галька, увесистая даже на взгляд. Не галька, а булыжник...

Вот и мяч. Не раздумывая, согнувшись, подхватываю рукой розовый шар и... едва не роняю!

Мяч тяжел, как камни, что лежат вокруг. Он слишком давно лежит на отмели и наполнен водой.

Мяч стал таким же, как те, что рядом.

Одним из всех.

Такой же круглый.

Такой же тяжелый.

Такой же неподвижный.

И только окраску сменить не смог.

Он был и остался розовым. Всем невзгодам назло.

Я поднял мяч, поднес к плоту и уже там нажал на его бока: вода брызнула сверкающей струей, и радостно засмеялась моя дочь, а мяч, будто с облегчением, вздохнул.

Он извергал из себя чуждую жидкость, становясь, как когда-то, легким.

И только рваные раны на его розовых боках уже никто не мог залечить.

И никто не мог вернуть былую упругость...

Но что до того моей маленькой дочурке?
Крохотные ручки нетерпеливо тянутся:

– Папа, дай мячик!

И под нежными детскими пальчиками старый розовый мячик снова стал молодым.

Или это нам показалось?..

Река Бухтарма
14 августа 1991 года

Притча о Вертолете

Сегодня прилетел МИ-8.
По серому небу над свинцовым озером.

Сел без прикидки прямо перед палатками.
Вертолетчик, Володя Литвинов, не сгибаясь под винтами, маячил спасателям:
– Беру одного. Только одного, кто знает место!

Полетел ленинградец – из двойки, принесший вчера весть о несчастье.
Вертолет с ревом развернулся над поляной и, едва не срубая вершины лиственниц, ушел по-над озером в дождливую муть ущелья.

Там уже седьмой день лежал на леднике, с переломанными камнепадом ногами, москвич.
Двое суток назад его случайно нашла, уже засыпанного снегом, группа ленинградских туристов.
Человек чудом еще жил, а его товарищ, раздавленный глыбой, лежал в бергшрунде на месте аварии.

Двое суток группа спускала парня вниз, борясь инъекциями антибиотиков с подступающим некрозом обмороженных ног.

Вертолет уходил в дождь, чтобы попытаться спасти живого.
Мертвого по такой погоде не снять.

Вертолет ушел, а мы все стояли на поляне растерянными цветными пятнами.
И тихо плакала моя жена, прижимая к себе дочку...

Вертолет уходил в дождь...

Алтай. Озеро Язевое,
7 августа 1991 года 11.00 утра. Дождь.

Притча о Сне

Ночью ко мне приходят цветные сны...

Сегодня в мой сон заглянула Танзилия.

Ночной магазинчик, ночь за дверями. Мы встретились случайно и уже готовы были расстаться, обменявшись привычными фразами.

Но я выглянул в ночь, вслед Танзиле, и увидел, как серебрится в лунном свете ее силуэт. И что-то такое родилось в груди... – такая тонкая светлая боль! – что я окликнул ее:
– Танзилия!

Танзилия остановилась удивленно-недоверчиво. Но что-то, наверно, зародилось и в ней.

Молча подняла она руки на плечи мои.

Молча обнял я ее, как прежде, стройную.

И музыка из невидимого окна качнула нас в легком танце.

Легком и коротком, как сон.

Утром я никак не мог понять, что взволновало меня этой ночью.

Танзилия?

Между нами никогда ничего не было.

Что же?

А потом был день.

И пенные гребни стоячих валов, пронизанные бьющим навстречу в настил закатным солнцем.

И яростная радость борьбы со стихией в грохоте Жана-Ульгинского порога.

Только вечером у костра в бухте Мухоморов я понял свой сон.

В нем было одно...

Да-да!

Вот оно – то, что звучит в нас ночами.

Сладкая Боль о Минувшем!

Чистая и бесплотная.

О Минувшем и...

Будущем, что им когда-то станет.

Спасибо тебе, Танзилия...

За то, что помогла вспомнить. Ведь было!

Хоть и не с нами.

Наши сны – странное преломление некогда прожитых чувств.

Сплав по Бухтарме.
Ночевка перед Жана-Ульго.
14 августа 1991 года

Притча о Вертолете и Водопаде

Памяти вертолетчика Эмиля Скобиолы

– Я знаю один водопад, – сказал Эмиль.

Он был, как всегда, подтянут и свеж, и синяя летная форма как-то по-гусарски гармонировала с его смуглым молдаванским лицом и черными усами на гладко выбритом лице.

– Я знаю один водопад! – сказал Эмиль, когда мы встретились с ним у подъезда нашего дома, где он жил двумя этажами выше меня. – Этот водопад еще лучше Кок-Кольского, знаешь.

И я вспомнил наш взлет с Нижнего лагеря у Кок-Кольского водопада, когда перегруженный МИ-2 не хотел подниматься в воздух, но нам позарез нужно было на Алахинское озеро, где ждали геологи, и где мы с Михалычем должны были продолжать нашу видеосъемку.

Тогда Эмиль слил горючее – ровно столько, чтобы оторваться от земли, и вертолет, нащупав неверную опору разреженного горного воздуха, пошел, пошел, прокрался, набирая скорость, под над площадкой Нижнего лагеря левее водопада и ухнуя вниз вдоль склона так, что у меня все скжалось внутри и что-то подступило к горлу.

Но Эмиль знал свое дело, как никто в этих горах.

Кок-Кольский водопад фантастической белой дугой вздыбился по правому борту вертолета, замедленно развернулся и нехотя осел вниз, под кедры, почетным караулом замершие на краях ущелья.

Я не снимал этот наш взлет: экономил энергию подсевшего аккумулятора. Потому что еще надо было снять с воздуха Верхний лагерь, озеро Коксу и еще что-то. Подумалось, что "потом, какнибудь, не последний же раз".

И мы сели на Алахинском, и я скрупультно отснял несколько кадров идущего к вертолету Эмиля и его удивительный, с передним креном, взлет. Эмиль улетал на соседние точки, оставил нас с Михалычем на Алахе.

Потом Эмиль успел вовремя, так как на обратной дороге с Чиндагатую Михалыча ударила в руку гадюка, и ему становилось все хуже. Но вертолет Эмиля появился из-за заалахинских хребтов, как добрый Дух, и мы успели в Усть-Каменогорск в самое время.

– Я знаю один водопад, – сказал Эмиль и хитро улыбнулся в свои гусарские усы.

– Где? – загорелись мои глаза.

– Не-ет! – Эмиль засмеялся. – Вот полетим, покажу!

* * *

Я узнал его сразу – это был водопад Эмиля. В два каскада рушился он в узкое, с поворотом, ущелье, изгибаясь над скалой белыми дугами пенных струй.

Мы заходили на водопад раз шесть, но вертолетчик дядя Саша вел машину осторожно, не рискуя снижаться к скальным стенам, обступившим ущелье, и тряский МИ-2 не давал простора видоискателю камеры.

"Эмиль бы прошел по самому ущелью", – подумалось в паузе между заходами.

...Эмиль. Он погиб неделей раньше в горах под Зыряновском. В первый свой полет командиром МИ-8. Он погиб, как ушел в рейс, оставшись в моей памяти и в скучных кадрах той, кок-кольской, видеосъемки – отчетливо до боли.

В своей гусарской синей летной форме.

И он остался в этом водопаде, победно бросающем белые струи в синеву ущелья.

В том водопаде, что он так и не успел мне показать с высоты своего полета.

Это был водопад Эмиля Скобиолы, я узнал его сразу.

Вот полетим, и я покажу его тебе, сынок.

Успею ли?

Усть-Каменогорск
2 января 1993 года

Притча о Встрече

Только что в Аэропорту встретилась мне богиня в синей летной форме. Ажурные чулки на стройных ногах, звонкие каблучки, походка!

Прошла и не заметила, глядя сияющими глазами поверх голов.

Еще бы!

Рядом уверенный и свободный в движениях высокий юноша в такой же летной униформе.

Я стоял и смотрел им вслед.

Да-а...

Оля.

Олеся Григорьева...

Олька!

А помнишь ли ты наши скалы на 10-м километре Согринского шоссе?

Наших парней в замызганных комбинезонах и касках?

Веревки и подранные на спусках рукавицы?

Помнишь.

Иногда.

Правда?

Усть-Каменогорск
1988 год

Притча о Крабе

Мы бежали с Каролиной по песку.

Каждый раз, когда мы выбирались из прибрежных волн, мы бегали вот так – до спасательной вышки и обратно. Вдоль кромки белоснежной пены по твердому, как асфальт, песку, залитому солнцем.

Мы бежали, когда к нашим ногам море выбросило краба – большого средиземноморского краба...

Он был чем-то похож на меня – так же рукасто и беспомощно растопыривал клешни над золотым песком незнакомого берега.

Но у меня были два существенных преимущества.

Я был жив.

И со мной была Каролина.

**Берег Средиземного моря
декабрь 2000 года**

Притча о книгах

Я заглянул в этот бак случайно. Смена моя заканчивалась, оставалось скоротать каких-нибудь тридцать минут до свободы.

Я заглянул в бак и радостно вздрогнул: в его глубине привиделось что-то до боли знакомое и уж никак не похожее на мусор.

Книги?

Перегнувшись за край, я нащупал твердый переплет и вынул на свет увесистый томик. Красная обложка, золотое тиснение букв, контур какой-то статуи...
Вот здорово! Когда-то у нас, как и в других семьях нашего круга, была большая, любовно подобранные, библиотека. Но сейчас каждая настоящая книжка стала желанной.
Настоящая...
Ведь компьютерные тексты нельзя подержать в руках.

Но что это? Знакомые буквы выстраивались в незнакомые комбинации. Какая жалость – испанский! Ну, хоть бы английский, если уж не русский. Еще раз заглянул в мусорную глубину. Надо было уходить, а я все не мог оторваться от бесполезного для меня сокровища.

Потом положил извлеченную книжку на бак.

Наугад открыл несколько страниц, скользнул взглядом по строчкам. Их латинская стройность побуждала к чтению, и губы уже шептали имена узнаваемо звучащих, но неведомых слов. На какое-то мгновение мне показалось, что скрытые за ними смыслы невесомо, но ощутимо вливаются прямо в сознание, наполняя его звуками, красками, какими-то тенями и гомоном едва слышимых голосов.

Эти строчки жили своей, недоступной мне жизнью.

Даже в мусорном баке, куда их зашвырнула рука очередного израильского дикаря, они не перестали звучать и пели на языке мыслей, как тронутые ветром трубы католического органа.

Я слушал их стон, а книги смотрели на меня живыми глазами уходящих в историю поколений.

Я смотрел и горько жалел, что так и не выучил испанский, как, в общем-то, не выучил ни один из великих языков человечества.

Кроме одного. Да и это не моя заслуга...

И тут я поймал себя на том, что в глубине этой братской могилы некогда дорогих кому-то вещей мне почудился тоненький силуэт лошади с прильнувшим к ней жеребенком. Они возникли из сумрака меж лежащих вперемешку книг и потянулись ко мне.

Я тоже потянулся к ним и вернул к солнцу голубенькую книжку. Детскую.

"O Potrinho" было написано на обложке, "Jane Wyatt".

Я заглянул под картон и улыбнулся милым созданиям, разноцветно играющим на белизне страничек. И осень улыбнулась вместе со мной.

Тогда я взял книжку и бережно положил ее в свою рабочую сумку.

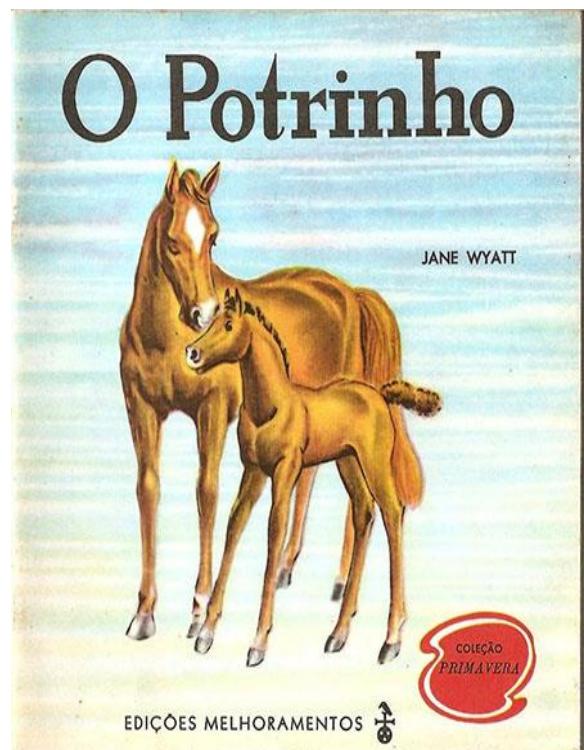
Я отнесу этих лошадок дочке.

Она тоже пока не знает испанского.

Но она поймет!

Дети мудрее нас.

Потому что они думают сердцем.

Кирят-Ям
2 октября 2002 года

Принц и Садовник

Памяти Антуана де Сент-Экзюпери

– Ты убил мою Розу! – воскликнул он за моей спиной.

Я оглянулся.

– Наверно, я не заметил ее в траве, – буркнул я.

Настроение у меня было неважное, поэтому не хотелось виниться неведомо перед кем и непонятно в чем. Тем более, что я битых полтора часа аккуратно – триммелем, выкашивал луночки вокруг каждой хреновины, хоть отдаленно похожей на деревце или цветок. Чтобы потом – упаси и храни – не повредить этих... человеческих ценностей своей косилкой.

– Ты срубил ее под самый корешок! – он нагнулся и теперь шарил руками в траве. – Она же росла вот тут... вот тут....

Смутное подозрение шевельнулось во мне, и я поднял взгляд. Здоровенный детина, молодой, черноволосый, крепкий...

– Я два месяца смотрел на нее из окна и... – в его голосе читалось неприкрытое отчаянье. – Я так ждал, когда она расцветет!..

– Что ж ты не позаботился хотя бы расчистить ее от травы? – спросил я, продолжая вытряхивать из короба срезанную “зеленку” – росы сегодня было много, и косилка упихивала в короб плотную изумрудную пасту, липкую и тяжелую, как ртуть.

А про себя добавил: “За два-то месяца...”

– Но я же не знал...

Я стоял к нему почти спиной, но чувствовал, что он смотрит на меня.

Неужели это все-таки – Он?

Ну, да... Возмужал, повзрослел...

Короб наконец выпустил из черной пасти свою добычу, и красный мешок принял ее в бездонное нутро... Я вогнал короб в гнездо и со стуком опустил крышечку.

– Или хотя бы воткнул рядом с ней какую-нибудь палку, чтобы я мог ее увидеть, – сказал я.

– Но я же не знал, что ты придешь именно сегодня... – выдохнул он, отступая с газона на бетонную дорожку.

“Ну-ну, – подумал я и усмехнулся. – Я видел тебя вчера, когда работал в соседнем дворе. – Ты сидел на лавочке и смотрел на газон. Я видел тебя и раньше за этим занятием... Кажется, теперь я понимаю, куда ты смотрел. Но и ты видел меня тоже. Видел, и не замечал. Действительно – кому интересны садовники? Они просто часть этого всего... Но если бы ты

захотел – мог догадаться, что рано или поздно я приду и сюда. Садовники всегда появляются там, где запущено... Это почти неизбежно..."

Он отступил с газона, но не ушел. Сел на свою лавочку в тени портала – дом был на "курьих ножках", и под его основанием хватало места для тени.

Пока я кружил по газону и моя машинка с чавком врезалась в сверкающие заросли воспрянувшей после дождя травы, он сидел молча и безучастно...

Какое мне до него дело?

Но на душе почему-то было муторно.

Жалко, конечно, что я не заметил его Розу...

Но я ведь действительно ничего не видел... Сдается мне, что и не было ее там... хотя в таком бурьяне...

Задумавшись, я чуть не вздрогнул, снова услышав его голос:

– Можно я возьму твою метлу?

Я оглянулся и увидел, что он уже держит ее – желтая рукоятка с венчиком гибких стальных растопыренных пальцев.

– Да, пожалуйста! – я пожал плечами, продолжая свой путь – ботинки уже насквозь пропитались влагой. Надо же, сколько выпало росы!

А сам невольно подумал:

"Что же ты будешь делать-то?"

Развернув машинку в конце покоса, я увидел, как он сделал несколько неумелых движений травяной метлой, сгребая что-то там перед своей лавочкой – совсем рядом с тем злополучным местом, где недавно росла эта Роза.

Интересно – что он там собирает? Неужели решил мне помочь?

Невероятно.

Он подошел, когда я вытряхивал в красный мешок очередной короб. Поставил метлу – она пробыла в его руках совсем недолго.

– Спасибо, – сказал он, повернулся и пошел к своему подъезду.

– Да не за что... – буркнул я, усмехнувшись, и подумал:

"Подмети перед своей лавочкой – это все, на что вы способны..."

И все же в его голосе было что-то такое... И оно заставило меня выпустить заводной шнур.

– Послушай, – сказал я, и он остановился.

Остановился, и теперь смотрел на меня, вполоборота, вопросительно.

– Послушай! Ну... мне действительно жаль, что так вышло... Но попробуй все же взглянуть на все немного иначе...

Он недоуменно смотрел на меня – ну, да! – тот самый мальчик из сказки, только совсем уже взрослый! Взрослый маленький Принц...

Наверно, мне не стоило продолжать.

Я был жесток к нему, потому что никогда не мог заставить себя понять тех, кто любит шипы и колючки, пусть даже украшенные цветами.

Или цветы, ощетиненные колючками.

Для меня любовь – это нежность, а не война...

А может быть, потому, что Садовники в глубине души недолюбливают Принцев, особенно когда те не замечают их среди садов...

Он стоял и смотрел на меня, вполоборота, вопросительно.

А слова мои неслышно кружились надо мной, над уже почти скошенным, благообразным газоном... еще не сказанные... еще...

Нет, не кружились, они набирали скорость, прицельные, как стрелы...

– Я просто хотел спросить тебя, – сказал я ему. – Зачем ты вернулся?

Какое-то время он смотрел на меня недоверчиво, но потом грустно и как-то трудно улыбнулся:

– Ах, ты об этом... Ну...

– Ладно, – остановил я его. – Как бы там ни было...

Он смотрел на меня, и в его глазах что-то менялось.

Будто стрелы моих слов уже нашли его, и оперения их дрожали в его сердце...

– Теперь ты свободен! – сказал я. – Свободен! Может быть, хоть это тебя утешит?..

Губы его шевельнулись, он вздрогнул и... ничего не ответил. Просто повернулся и молча пошел к своему дому.

– И еще одно, – сказал я ему в спину. – Здесь, на Седьмой планете, живут не только фонарщики. Будь осторожен...

9 февраля 2004 года

...Сегодня я снова был в том саду. Он сидел на своей лавочке, глядя куда-то перед собой. Но когда я проходил, поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

Мне не могло показаться...

Неужели, чтобы Принц рассмотрел Садовника, нужно...

Просто убить, даже нехотя... и тогда – вас заметят.

Кирьят-Ям

4 марта 2004 года

(для иллюстраций использованы картинки из Интернета, неизвестных мне авторов)

Легенда о Дорсе

Сначала он на меня лаял.

Знаешь, в самый первый раз я даже испытал некоторое волнение.

А ты представь, лежит на газоне огромная овчарка, уши торчком, умная морда и зубки, что твои грабли.

Как тут траву косить?

– Ну, и чего ты лаешь? – услышал я женский голос. – На кого ты лаешь? От, дурень старый!

Все б ему лаять...

Это уже ко мне с извиняющейся улыбкой.

Женщина ласково покосилась на пса, уже замолчавшего, но все еще внимательно взирающего на меня.

– Да вы не бойтесь его! Он старый совсем... Мы его еще с Союза привезли, уже десять лет тому как...

Я шагал за своей «Овечкой» – Джолли сыто урчала, трансформируя травяную самобытность в унифицированное однообразие газона. Почему нам так нравятся ровные поверхности и углы, столь нелепые в живой природе? Как символ нашей иллюзорной власти и господства над ней?

Я шагал, а сам нет-нет, да и посматривал на пса.

Хорош был Дорс, красив. Коричневая с белизной шерсть скрывала седину, с возрастом проступающую на собачьих мордах – у носа и губ, под усами... неудержимо, как осенний снег на высоких вершинах.

– Дорс! Ну, хватит тебе разлеживаться... Домой пойдем! Домой!

Пес как-то поскучнел, опустил большую голову к траве, но потом с видимым усилием поднялся – сначала на задние, а потом и на передние лапы...

И пошел...

Боги... Как он шел!

Передние лапы уже не хотели подчиняться, подгибались, и от этого казалось, что какая-то жестокая сила изломала, искалечила благородное животное, поставила его на колени...

И вот на этих собачьих коленях, переваливаясь, и полз теперь Дорс вслед за хозяйкой...

Жестокая сила... Старость... Что ты делаешь с нами?

Я видел его и потом. Когда приходил не с утра, а ближе к обеду, чтобы навести порядок в этом саду. Уже издалека замечал средь травы массивную фигуру. Встречался с умными собачьими глазами.

– Ну, что, Дорс? – кивал я ему. – Как дела, старина?

Пес теперь не лаял, узнавал, наверно, и в ответ шевелил бровями:

– Какие тут дела... Сейчас опять домой позовут...

– До-орс! Дорс! – доносилось из подъезда. – Ну, пойдем домой! Мама покушать даст...

Пойдем скорее! Домой!

Не помню, отчего я в тот день задержался с работой...

А! Передали сумрачный прогноз. Дожди должны были начаться завтра во второй половине дня, а потом и вообще грозил какой-то водяной катаклизм. В общем, время поджимало. Страшно не хотелось, но я взял себя за шиворот и вывел «Овечку» на второй круг. Прикатил в этот самый двор, чтобы подстричь его и не мучиться совестью во время дождевой бездельной отсидки.

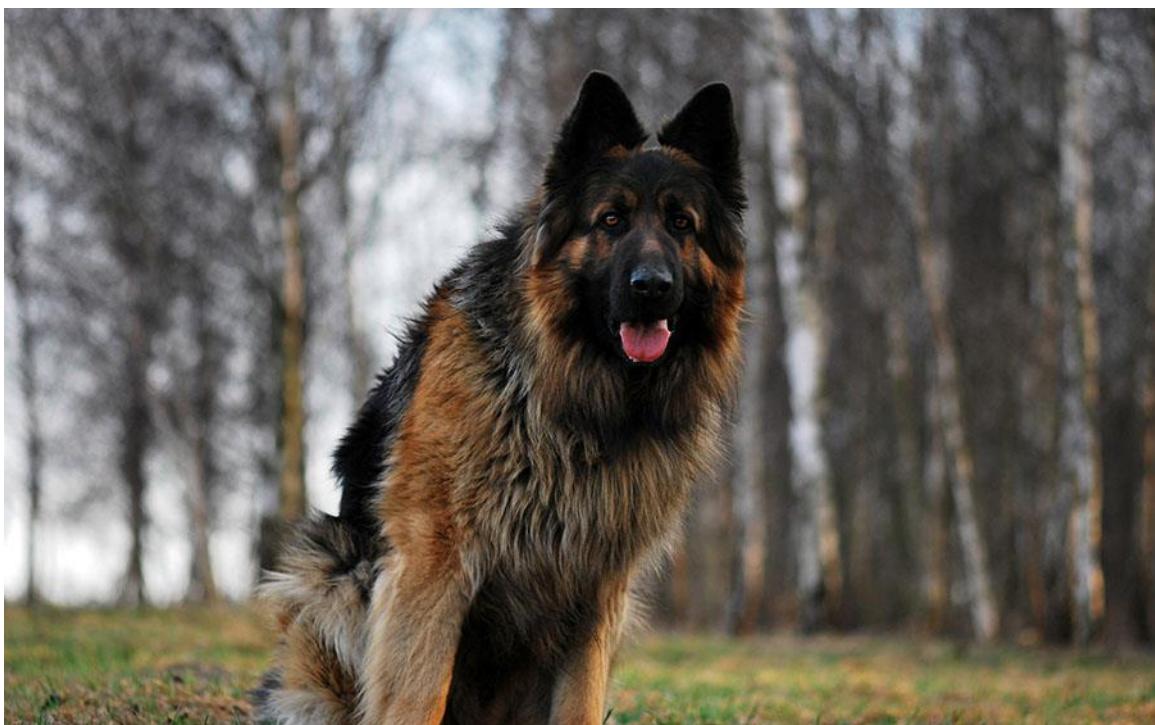
Дорс лежал на травке – красивый и мощный... с виду.

Ах, как стояли его чуткие уши на благородной голове!

Красивый и беспомощный...

Дорс лежал и вдыхал запахи еще не скошенных трав, и в мыслях был где-то далеко, потому что не сразу повернул голову на мое приветствие.

– А, это ты... – дрогнув хвостом, улыбнулся он. – Снова будешь кормить свою Овечку?
– Да знаешь, пора уже. Ты тут не блуждаешь в лопухах?
– Нет... – Дорс отвел взгляд.
Что-то в его глазах показалось мне тогда необычным...
А может, я просто устал после двух уже отмесадэрных сегодня дворов. Есть такое словечко на иврите – бэседэр! В порядке, то есть.
Но, скорее, это я уже потом напридумывал.
А впрочем...

– Дорс! – раздалось знакомое.
Это оказалась бабушка, мама хозяйки.
– Пойдем домой, хватит тебе уже...
Я оглянулся на голос, ожидая увидеть покорно ковыляющего к подъезду пса. Но Дорса в поле зрения не оказалось.
Во как! Я заинтересованно крутнул головой.
– Ты куда это? – бабулька удивленно вышла на парапет над газоном. – Эй, идем домой!
Но Дорс не реагировал. Более того, он медленно ковылял прочь на своих мягких, подгибающихся от бессилия лапах. Медленно и устремленно.
– Ну ладно! – бабушка сегодня была явно не в духе. – Сейчас найду на тебя управу...
Она повернулась и удалилась в свой подъезд.

Перед тем как повернуть Джолли на очередной круг, я еще разок взглянул на пса, прикидывая, не помешает ли мне его новая лежка. Дорс лежал возле Большой пальмы, что раскинула свои листья-руки на высоте в добрых двадцать метров над нами. Лежал все так же мордой от дома – на север.

– На север! – почему-то сказал я вслух.
Там, на севере, невидимые отсюда, со двора, полого выселись холмы на границе с Ливаном.
Туда все чаще тянули неровные клинья больших белых птиц...
"На север! На север!" – кричали они, пролетая над нами.
Как странно! В детстве я читал и слышал только о птицах, улетающих на юг, в теплые страны...
И вот теперь они улетали на север, а я провожал их взглядом...

Долли сытенько заурчала, я повернулся спиной к северу, к Дорсу, к птицам... ко всему, что было там, за кругом моего узкого пути, остающегося позади зеленой гладью.

– Дорс! Дорс!

Из подъезда материализовалась хозяйка. Высокая, массивная, в общем-то не старая женщина, почему-то уже махнувшая на себя рукой.

– Где он? – она озабоченно озиралась, – Мы его никогда никуда не пускаем...

Я оглянулся.

– Вот, – сказал я, поднимая руку, чтобы показать. – Вон у пальмы... был...

Дорса у пальмы не было. Не оказалось его и в дальнем периметре двора, отгороженного от остального мира зеленой изгородью, тоже не избежавшей спрямляющего воздействия моих инструментов.

– Дорс! Дорс! – доносилось до меня откуда-то издалека.

И я отвлекся. Мало ли хлопот в этой жизни, чтобы думать о чужой старой, хоть и красивой собаке? Ну, куда он мог уковылять? Найдется...

Я стоял и смотрел на него.

Черт меня потащил в эти поля на границе поселка?

Наверно, извечная страсть к пустырям, диким зарослям, привольным полям, что так редки на этой благоустроенной до унылости земле.

Я вышел на увал и вдруг увидел... его. Такое знакомое рыжее пятно посреди зеленої травы. Еще немного, и эта зелень падет в жестокой жаре надвигающегося лета...

Дорс?

Не веря глазам, я чуть не бегом спустился с пригорка.

Примятая дорожка в траве... здесь он шел, полз...

Дорс лежал, вытянувшись, устремив красивую морду вперед, и стеклянные глаза его будто всматривались в даль. Я невольно глянул в ту сторону.

Ну, да! Он будто смотрел на север, на пологие холмы Ливанской границы, горизонтом отгораживающие нас от безмерно широкого мира.

Дорс лежал, весь в напряжении последнего удавшегося ему усилия...

Он будто бежал, стелился в огромных невесомых прыжках над послушно ложившейся в лапы равниной...

Он летел стремительно, как когда-то...

Не знаю, почему, но я выпрямился и отдал честь, вскинув к заходящему солнцу руку в стальной перчатке. И солнце сверкнуло в синеватой стали клинка.

Ветер развевал наши знамена, и тысячи копий незримо блеснули в едином порыве, устремленные ввысь.

Тысячи мечей ударили в тысячи щитов, и эхо неслышно раскатилось над этим полем, принявшим в себя еще одного бойца...

Я повернулся и пошел прочь.

Я не скорбел о старом Псе.

Я... я не знаю...

Просто я мог бы поклясться, что Дорс улыбался.

Да, он улыбался мертвым оскалом некогда грозных клыков – весь еще в движении, весь в Пути.

Нет, я не скорбел о старом Псе.
Знаешь, я, наверно, был рад за него.
И... немножко завидовал.
Да, это было вернее.

18 марта 2004 года
(в оформлении использовано фото из
Интернета неизвестного мне автора и
гравюра Яакоба де Гейна)

Безусловное Знание

Ну, слушай.

Я расскажу тебе свой сон, увиденный наяву.

Я стоял у плиты, заваривал себе кофе, и вдруг облаком видений заклубилась вокруг Иная
Реальность... мазками цвета, тенями движений, касаниями мыслей...

...

Я – в полных доспехах, меч за спиной, над правым плечом крест рукоятки...

Слева, очень близко – Ты. В одеждах Вечного Времени...

Волосы – по плечам, темного золота кольцами на светлом плаще, черный хайратник...

Лицо... освещенное изнутри горением сложных чувств...

Не вижу, черт. Но почему-то уверен, что это – Ты.

Еще левее – почти напротив меня, но как бы не лицом к лицу – еще один воин.

В темных доспехах, лицо красиво... мужественно... волосы гата...

Я отстраняюсь – мой взгляд раздваивается, я уже смотрю как бы со стороны, и в то же время проживаю чувства, закипающие в груди – того меня: стоящего с мечом за плечами, в упор рассматривающего ... соперника?

Соперник! Он тоже смотрит на меня – без страха, даже доброжелательно, но –
настороженно...

В его ладном теле, во всем облике – достоинство и готовность.

А как выгляжу сейчас я?..

И между нами – опаляя наши лица огнем – рвущееся из Тебя Пламя...

В Пламени этом...

Нерешенный вопрос?

Мучительный выбор?

Боль в груди...

Решить! Решить?

Ведь все решается мечом!

Он или я!

Ты не можешь выбрать между нами? Но мы можем это сделать за тебя...

Меч вылетает из-за плеча, и навстречу – такой же искаженный ненавистью взгляд, и свистящая в ярости сталь...

И запоздало – отчаянная мысль:

– А вдруг я проиграю? Вот сейчас, в этом росчерке смерти??

И ты, – Ты! – никогда уже не станешь моей???

Пусть! Если так – пусть. Не будет меня и не будет проблемы...

Но я убью его!

Я – мой меч быстрее, и Ты будешь ТОЛЬКО со мной...

Наши мечи все еще мчатся друг на друга, и воздух шипит, расступаясь невидимой раной...
Но тебя уже нет – твой образ теряет отчетливость...

И только обжигающая вспышка Боли – Твоей!

Страдания – Твоего!

Изумленного разочарования... – во Мне?

...Будто натолкнувшись на этот вопрос, видение рассеивается...

Мой меч не покинул ножен...

Руки в стальных перчатках не шевельнулись...

И взгляд, обращенный к Воину напротив, не утратил учтивого спокойствия Силы...

Только где-то в глубине возникло, нарастая, – Нечто.

Вот... – Понимание.

"Я не могу причинить тебе боль... Все, что угодно, только не это".

Ты... Ты тоже не сдвинулась с места.

И Он.

Мой взгляд оставляет его все еще устремленные на меня глаза, обращаясь в степь...

Там ветры гонят волны по гравам трав...

Там небо лижет горы языками тумана...

Там всегда ждет Дорога, Готовая Принять.

Но зачем же тогда – Меч?!

Что же может заставить меня сомкнуть пальцы на его рукояти?

Если даже древнейший из инстинктов всего Живого – во мне – бессилен?

Тот, что заставляет оленя ломать рога и шею оленю, волка смыкать клыки на горле волка, а орла – сбивать из вечного неба – орла?

А доблесь воина, взявшего силой добычу?

Добыча, взятая в бою, – свята?..

Для чего мне Меч, если Изначальные Силы не властны надо мной?

Что-то меняется рядом, неуловимо.

Степь возвращает мой взгляд, и в его разгорающемся свете я вижу, как медленно, словно нехотя, поворачивается ко мне мерцающим сталью боком, потом закованной в броню спиной красавец Гот.

Спиной ко мне?

К Тебе?

К... НАМ???

Его силуэт будто размывается, бледнеет, удаляется... исчезает.

Я стою лицом к Тебе.
Твои глаза – сияющие, исполненные исцеленной болью и... Благодарностью?
И только трепетные пальцы, продолжением взгляда скользнувшие к моей щеке и
припавшие к затвердевшему камню губ – Моих! – отмечают сомнения.
И боль, уже ставшая привычной частичкой бытия, начинает стремительно отступать,
сметенная половодьем твоей нежности...

Но зачем же тогда мне – Меч?..

...Откуда они взялись! Эти черные всадники, меж терзаемых ветром берез...
Тот же воин? Гот?!
Тот и не тот... Сверкающий взгляд, торжествующий оскал, развевающийся мех плаща,
вьющиеся на ветру косы...
Смрадным жаром пожарищ, распахнувшись, дохнула в лицо степь...
Я знаю, – ты пришел – взять?!
Решить все по законам Меча...
Чьего Меча, Гот?..

Но!

...Бегущая к нам, путаясь в белой рубашонке, девочка?..
Тонкие ручонки прячущегося ребенка – у моих колен...
Небо в дымных струях огня, срываемого ветром с крыш...
Твои – потемневшие бездонные, обнимающие меня, – глаза!..

И жадная молния Меча, взлетающая из ножен за спиной...
Он возник в руке, опережая мысль, минута сомнения, стремительный и страшный...
В холодном шелесте притихшего ветра – безжалостен и всемогущ.

И вот тогда вошла в меня, поднявшись к Истокам – все затопляющая уверенностью Сила.
Сила, чье имя – Безусловное Знание...

Право Обнажающего Меч.
Теперь я его – Знал.

Берег Средиземного моря
9 января 2004 года